

Научная статья

УДК 13-80-572

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-202-221

Avant toute chose...

Лингвопрагматические начала и концы

Михаил Васильевич Ильин

Институт научной информации по общественным наукам

Российской академии наук

Москва, Россия

mikhaililyin48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9969-1259>

Аннотация

В статье используются поэтические подсказки Поля Верлена и Александра Блока о возникновении и претворении в жизнь поэзии, человеческого и всеобщего самоосуществления. Развивается предложенная Терренсом Диконом логика универсальной эволюции. Автор прибегает к кумулятивному семиотическому разрешению Степанова: Язык-1, Язык-2, Язык-3. Вслед за Флойдом Мерреллом и Ежи Пельцем автор предлагает трансформировать трехуровневую модель формализованной семиотики *дискретных* знаков в *непрерывно разворачивающиеся многообразия* семиозиса *непрерывного* смыслообразования. Возможности подобного поворота предоставляют текущие усилия по изучению оязыковлени и переязыковлени.

Ключевые слова

практики и прагматика, генезиса начала и концы, планы содержания и выражения, Язык-1, Язык-2, Язык-3, семиотика и семиозика, оязыковление и переязыковление

Благодарности

Работа выполнена в рамках госзадания ИНИОН РАН

© Ильин М. В., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 202–221

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 202–221

Для цитирования

Ильин М. В. Avant toute chose... Лингвопрагматические начала и концы // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 202–221. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-202-221

Avant toute chose... Linguopragmatic Beginnings and Ends

Mikhail V. Ilyin

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

mikhaililyin48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9969-1259>

Abstract

The article capitalizes the poetic clues by Paul Verlaine and Alexander Blok on emergence and attainment of poetry, human life and the universal self-accomplishment. It elaborates on the logic of universal evolution proposed by Terrence Deacon. The author resorts unto Stepanov's cumulative semiotic resolution: Language-1, Language-2, Language-3. Following Floyd Merrell and Jerzy Peltz, the author proposes to transform the three-level model of formalized semiotics of discrete signs into continuously unfolding manifolds of semiosis or uninterrupted meaning-making. The possibilities of such a turn are provided by ongoing efforts to study languaging and translanguaging.

Keywords

practices and pragmatics, genesis' beginnings and ends, plans of content and expression, Language-1, Language-2, Language-3, semiotics and semiosics, languaging and translanguaging

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the state task at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

For citation

Ilyin M. V. Avant toute chose... Linguopragmatic Beginnings and Ends. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 202–221. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-202-221

Вниманию читателя предлагается текст, подготовленный на основе выступления в Институте языкознания РАН на конференции «Язык – дискурс – корпус. В поисках прагматики». В. З. Демьянков, открывая конференцию, задал два вопроса:

- Утрачена ли прагматика, раз мы с вами находимся «в ее поисках»?
- Что же мы ищем?

Уже по ходу дискуссии он дал прекрасный и точный ответ со ссылкой на формулу прагматической парадигмы своего и нашего общего учителя Ю. С. Степанова: «Присвоение языка в момент – и на момент речи» [Степанов, 1985, с. 224].

И действительно трудно найти в языке и языковой деятельности что-либо столь же вездесущее и одновременно столь же протеевски ускользающее, как прагматика. Очевидно, что привычная номенклатура и устоявшиеся способы аргументации недостаточны. Им требуется подкрепление. В данной статье ее обеспечивают французский поэт Поль Верлен и русский Александр Блок.

Первая подсказка: *раньше, вновь и вместе*

Верлен ищет источник и мощь поэзии в еще несказанном и несказываемом, названным им музыкой. Она возникает еще до стихов – «*avant toute chose*», но продолжается вместе со стихами, вновь и вместе – «*encore et toujours*».

Итак, вот начало поэзии:

De la musique *avant* toute chose,
Et pour cela préfère l'Impair
Plus vague et plus soluble dans l'air,
Sans rien en lui qui pèse ou qui pose.

От музыки *до* всех вещей –
Нечётности предпочитай,
Их в воздухе расплавь, смешай,
Не позволяй стать тяжелей.

Музыка – источник, существующий еще «до всех вещей», буквально до сотворения мира. Первостепенно и предпочтительно *l'Impair*, что можно перевести как «нечётное», но также как «несравненное», не имеющее равного, *pair*. Его достоинство в том, что оно крайне расплывчато (*plus*

vague) и слишком растворимо в воздухе (plus soluble dans l'air). В нем нет ничего, что весило бы (pèse) или приземлялось (pose).

А вот, чем становится поэзия:

De la musique *encore* et *toujours*!
Que ton vers soit la chose envolée
Qu'on sent qui fuit d'une âme en allée
Vers d'autres cieux à d'autres amours.

Из музыки *вновь* и *всегда* –
Да станет стих возникновеньем,
Пусть мчится в дерзостном движеньи
К иным любвям и небесам...

Верлен настаивает, что даже уже возникший стих постоянно оборачивается чем-то возникающим (la chose envolée) в обретаемых небесах и любвях (d'autres cieux à d'autres amours – во множественном числе, в бесконечной их череде).

Вдумаемся в смысл подсказки. Прежде всего (avant toute chose) дополним эти обстоятельства времени необходимыми *эгоцентрическими уточнителями* (egocentric particulars), или *шифтерами*, – я, здесь, сейчас, ты, там, потом, мы, снова и т. п. [Степанов, 1985, с. 159, 217], а также функционально близкими местоимениями *что* и *кто*. Получится: *прежде кого или чего; вновь с кем и с чем; вместе с кем и с чем* и т. п. Для пущей точности четче темпорализуем три ключевых обстоятельства: *прежде кого или чего; нынче с кем и с чем; всегда с кем и чем* и т. п.

После этих уточняющих усилий нам без особого труда удастся перенести верленовскую поэтическую логику на изучаемый нами язык и его «присвоение в момент – и на момент речи». И даже добавить, подражая Верлену, завершившему свое стихотворение «et tout le reste est littérature», похожей формулировкой: «а все остальное – словарь и грамматика».

Вторая подсказка: сотри случайные черты

Следующую подсказку для «поиска» ускользающей прагматики можно найти у Александра Блока в его знаменитой ключевой строфе о началах и концах во введении к «Возмездью»:

Жизнь – без *начала* и *конца*.
Нас всех подстерегает *случай*.

Над нами – сумрак неминуемый,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен,
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.

Может ли что-нибудь подсказать нам о языке стихотворная философия о жизни в целом и о месте людей в придании ей смысла и совершенства? Может, конечно, ведь язык – это «маленькая жизнь», сказал бы, наверное, Юрий Сергеевич Степанов.

Положим, о языке мы узнаем следующее: надо всем довлеет случай, есть начала и концы, позволяющие увидеть запредельные совершенства и пороки человеческого общения, лингвисту (= мастеру языкового искусства) дано бесстрастной мерой стереть случайные черты и сделать язык прекрасным.

Где же тогда искать концы и начала, которые в бесхитростном восприятии незаметны и «исчезают», но зато обязательные и по сути самые важные опоры для блоковского художника и для нас, языковедов, коль скоро мы взяли бесстрастной мерой стирать случайные черты дабы прояснить великолепие речевого общения? Тут блоковскую подсказку уместно соединить с верленовской, точнее с ее шифтерно-эгоцентричной трактовкой. Возьмем три ряда неслучайных, одновременно энтенциональных и интенциональных связок:

я – здесь – сейчас – с тобой (и с чем)
ты – там – потом – со мной (и с чем)
мы – здесь – снова – с тобой (и с чем)

Фактически это три формулы прагматических шагов совместной коммуникации. Они энтенционально и одновременно интенционально комбинируются в коммуникативных актах за счет желания восполнить незнание или непонимание участников общения. Сначала Я обращаюсь к собеседнику Ты и делаю три обозначенных выше шага. Сначала мыслительно, в воображении перехожу от моей диспозиции в пространстве-времени (*hic et nunc*) – это первый шаг – к диспозиции собеседника (*ibi et tum*) – чтобы,

развернувшись – это второй шаг, – возвратиться к своей, но расширенной до общей с собеседником (*hic et iterum*). Еще до того, как я завершу свое «вальсирующее» движение, мой собеседник Ты становится принявшим эстафету Я. Этот перенявший инициативу Я одновременно с моим возвращением к «сюда же и снова уже с тобой» делает свое первое движение от своей диспозиции к моей. Когда же он «развернется», новое движение навстречу начну уже я.

Что же мы делаем, чтобы добиться взаимного понимания? Буквально «обезьянничаем» и повторяем шаги друг друга. В результате воспроизводится предельно упрощенная трехтактная схема или рекурсия с инверсивным переключением. О ней пойдет речь позже. А пока его предвосхитит раздел о кругах и ядре общения.

Круги и ядра общения

Человеческое общение во всей его полноте охватывает всю жизнь людей. Его можно представить в виде ряда концентрических кругов (точнее было бы сфер или даже многообразий), вырастающих друг из друга внутри широчайших *условий человеческого существования* (*conditio humana, human condition, la condition humaine*) и соответствующих возможностей (*affordances*). Натуралистически этот круг включает любые взаимодействия между людьми. Они всегда конфликтны, но при некоторых усилиях могут конструктивно и полезно связывать общающихся и создавать устойчивую сеть социального обмена благами – как материальными, так и духовными. В их числе находятся и смыслы (*meinungen, purports*), необходимые для повседневного общения и выживания людей и всего рода человеческого.

Внутри этой расширенной сферы, наглядно представленной кругом, возникают и эволюционно накапливаются все более плотные сферы. В самом центре возникает также многослойное ядро практически универсальных возможностей самодостаточного общения или коммуникации, передачи и восприятия любого типа информации (*in-formation*) – визуальной, звуковой, тактильной и т. п.

В ходе эволюции передача звуковой, а затем письменной, печатной, электронной информации становится наиболее употребительным и эффективным средством общения. Однако они далеко не исчерпывают всех возможностей общения. Оно остается мультимодальным, но звуко-письменные возможности образуют самое центральное и плотное лингвистиче-

ское ядро. Пока что оно освоено только человеческим родом, хотя не исключено, что некоторые живые существа (дельфины, птицы и т. п.) могут так или иначе использовать звуковые возможности общения, а искусственный интеллект со временем начнет превращаться из инструмента и игрушки в свободного деятеля, коммуниканта и мыслителя.

Отдельные возможности общения от звуковых и визуальных до тактильных и обонятельных широко и в разных комбинациях используются самыми различными видами животных, а возможно и растений. Это позволило Томасу Себеоку и его последователям приступить к разработке зоо- и биосемиотики, а затем код-биологии, нейросоматической информатики и т. п. К настоящему времени удалось установить, что великое множество агентов (agents) и действующих сил (agencies) на самых разных уровнях – от молекулярных и клеточных до организмических и даже экологических – не только участвуют в обмене информацией, но формируют «знания» и осуществляют «поведенческий выбор» за счет сопоставления альтернативных карт реальности и картин действительности, а также согласования альтернативных кодов и коммуникативных систем.

В настоящее время изучение биосемиотических практик кодирования и декодирования, а также интерпретаций и смыслообразования и позволяет предположить, что можно выделить несколько последующих, все более рыхлых кругов, слоев, оболочек коммуникации вокруг более плотных ядер.

Зоны различения между такими слоями концептуализируются и как пороги (thresholds), и как переходы (interfaces). Первая трактовка предполагает достаточно жесткое разграничение, а вторая предполагает возможность проследить преемственность или даже непрерывность развития тех или иных возможностей от их зародышевых протоформ до развитых, а затем превращения в качественно новые эволюционные возможности. В частности, автор данной статьи в своих выступлениях на конференциях по биосемиотике и по код-биологии отстаивает именно такую логику эволюционных превращений, прослеживая, например, переходы от автокатализа и автоколебательных реакций к копированию, далее к автопоэзу и кодированию, далее к функциональному выбору альтернативных возможностей кодирования и прагматической интерпретации, а затем к социальным сетям сознательной коммуникации и, наконец, к созданию человеческих языков и социальных возможностей антропогенеза.

Прежде чем обратиться к языковому ядру, требуется прояснить взаимосвязи и одновременно различия между сферами изучения и компе-

тенции языкознания и семиотики, как они сложились к настоящему времени.

Концы и начала языка и яза

Начиная с древнейших грамматистов словарь и грамматика стали двумя ключевыми доменами знания о языках и речи, определили представления об их природе и устройстве. Данная традиция проходит через всю историю языкознания и порождает сфокусированную на словаре и грамматике, а потому «суженную» трактовку предмета исследования. Несмотря на попытки дать еще и «расширенную» его трактовку, например усилия Вильгельма Гумбольдта связать язык с «духом народа» и представить его как энергею (*ἐνέργεια*), неустанное самообновление, а не просто как эргон (*ἔργον*), сохранившиеся в текстах и грамматических правилах следы языкотворчества, данная традиция возобладала и достигла своей отчетливости в творчестве Фердинанда де Соссюра. Освященный его именем «Курс общей лингвистики» в версии Сешэ и Балли бескомпромиссно утверждает: «...единственный и истинный объект лингвистики (*unique et véritable objet*) – это яз¹ (*la langue*), «рассмотренный в самом себе и для себя» (*envisagée en elle-même et pour elle-même*) [Saussure, 1971, p. 374]. Таким образом, в сфере профессионального лингвистического рассмотрения не остается ничего, кроме яза. И это при том, что в том же «Курсе» лингвистика объявляется частью то социальных наук, то психологии.

Наметившееся в «Курсе» противоречие между чистой лингвистикой яза (*langue*) и разнородным, как бы не вполне профессиональным изучением языка (*langage*) в рамках социального и психологического познания попытался превратить в естественную связь Луи Ельмслев. Он решительно привнес содержание в предмет своей науки, добавив равнопорядковый план содержания (*indholdsplan, content plane*) к четко структурированному плану выражения (*udtryksplan, expression plane*).

Ельмслев признает соссюровское разделение содержания и формы всего лишь «педагогическим приемом» [Hjelmslev, 1993, p. 46]. В качестве альтернативы он заменяет разделение на связь посредством поэтапных переходов: «Таким образом, в лингвистическом *содержании* (*sproglige*

¹ Обоснование перевода *la langue* как *яз* и *le langage* как *язык* см. [Ильин, 2023а, с. 53–55], хотя сами термины стали использоваться мною на полтора-два десятилетия ранее.

indhold, linguistic content), в его *процессе* (*forlob*, process) <в датском оригинале курсив, в английском и русском переводе его нет. – М. И.>, мы устанавливаем (*konstaterer*, recognize) специфичную форму, *форму содержания* (*content-form*), которая независима и произвольна (*staar i arbitrært forhold til, stands in arbitrary relation to*) по отношению к *промыслу* (*meningen* <с определенным «приклеивающимся» артиклем. – М. И.>, purport), и формирует (!) его (*former denne*) в *субстанцию* содержания (*indholdssubstans* <курсивом выделена только вторая часть слова. – М. И.>») [Ibid, p. 48].

Собственно структурность распознается в плане содержания как раз за счет прямых соответствий между планами. Точнее, она усматривается (*konstaterer*, recognize) исследователем в некоем предельно расширенном и универсализованном *процессе* присвоения языка, или оязыковлени. В Прологоменах роль демиурга яза берет на себя сам Ельмслев, прагматически действуя как универсальное Я говорящего². Однако он при этом не игнорирует действительный процесс присвоения языка, хотя специально и не рассматривает его.

С учетом процесса присвоения языка уже не в каждый момент говорения, а в предельно расширенной темпоральности этого процесса оязыковлени Ельмслев проводит различие между исходной аморфной «массой мысли» (*amorfe "tankemasse"*, *amorphous "thought-mass"*), уподобляемой им куче песка или облаку, и формируемым уже демиургом-лингвистом результатом – диадой языковой формы и содержания. Однако действительным результатом следовало бы признать присваиваемую большими людскими общностями целостную совместную практику. Это субъективированное, эгоцентрическое присвоение и есть прагматика. Она выступает в качестве блоковых начал и концов. Она как бы обволакивает язык и речь, придавая им центральность и присваивая их.

² «Сущность этого отношения в том, что говорящий самым актом своего утверждения как "Я", присваивая в момент речи имя "Я", допускающее переменные референты для обозначения себя и только себя, тем самым присваивает себе весь язык, накладывая на него координаты того времени, когда он говорит, т. е. настоящего времени говорения, того места, где он говорит, т. е. места произнесения речи, и заставляя слушающего принять эти координаты и сообразоваться с ними» [Степанов, 1985, с. 224].

Концы и начала общения и человеческих практик

О промысле как ментальной среде языка, его источнике (начале) и восприемнике (конце) речь уже шла в предыдущем разделе. Потребуется, конечно, существенные уточнения, но пока обратимся к слову *практика*. Оно восходит к субстантивированному греческому прилагательному женского рода *πρακτική* с основным значением «опыт», образованному от отглагольного существительного *πράξις* с широчайшим спектром значений, но в русском и прочих новых языках прежде всего философским и общенаучным термином для обобщенного обозначения всего того, что люди делают, чтобы осуществить в первоначальных трактовках философские теории, но впоследствии в более широком понимании все свои ментальные и духовные установки и устремления. Это вполне соответствует исходному смыслу глагола *πράσσω* – «делать, добиваться, осуществлять замысел». Фактически слово *праксис* охватывает все, что мы намеренно делаем. Можно даже сказать, что оно обозначает целиком весь процесс очеловечивания как каждого отдельного человека, так и всего человеческого рода, всей совокупности человеческих практик от хозяйствования до досуга.

Медиаторов подобного опыта и образующих его *дел* (*πράξις*) по праву можно характеризовать с помощью прилагательных, подобных греческим *πραγματικός, πρακτική, πραγματικός*, т. е. *деловой* и одновременно *дельный*. Ну а в целом вся эта сфера *деловитости* и *дельности*, ее человеческое *предназначение* как раз и заслуживает названия *прагматика*.

Только что предпринятая языковая игра является лишь малым примером бесконечного множества практик: телесно-вещных и ментально-духовных. Именно они и становятся для языка блоковскими началами и концами. Их можно охарактеризовать как *внешние инстанции* в силу того, что они охватывают как бы извне строго выделяемое языковое ядро яза и обволакивающих его речи различных дискурсов и в целом широко понимаемого языка.

Центральность языка

Теперь пришло время уточнить принципиальные различия между традиционным «предметно суженным» языкознанием и новой «предметно расширенной» исследовательской программой, возникшей в результате семиотической революции Пирса, Соссюра, Уэлби и Морриса. Между кон-

цептуальными аппаратами этих двух потоков исследовательского творчества существуют заметные противоречия и даже несоответствия.

Первый в основном двухслоен. Он включает словарь и грамматику. Второй в его пирсовско-моррисовской версии трехслоен. Он включает семантику, синтактику и прагматику.

Единицы первого в основном двусторонни. Они имеют форму и содержание, именуемое обычно значением в широком смысле соответствия (meaning). Ими обладают и слова словаря, и грамматические показатели в широком смысле. Единицы второго в пирсовско-моррисовской версии трехслойны. Они иконичны, индексальны, символичны.

Традиция интегральной лингвистической семиологии и структурной лингвистики строится на использовании бинарных различий и различительных признаков. Ключевым моментом сосюрковского построения было соотношение между обозначаемым (signified, signifié) и обозначающим (signifier, signifiant), а также прочие диадические различения. Правда, Сосюр включал оппозицию яза (langue) и речи (parole) в расширенный язык (langage), вводил понятие значимости (valeur) и т. п.

Традиция расширенной логико-когнитивной семиотики строится на триадических различениях, предложенных первоначально Пирсом, нормализованных Моррисом и развитых последующими специалистами. Кроме того, одновременно предпринимались альтернативные попытки построения интегральных и гибких аппаратов, например, Карлом Бюлером (ср. его трехполюсной органон) и представителями так называемого анализа обычного языка (ordinary language analysis) и речевых актов (speech acts) – Остином, Серлем и др.

Накопительное решение Степанова

Критически важное продвижение по учету и сведению воедино всех этих и ряда других достижений осуществил Ю. С. Степанов в книге «В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства» (1985). Он предложил *накопительное* решение, т. е. такое, которое учитывало бы моменты переходов между измерениями семиотики, общей динамики семиозиса и в конечном счете накопления возможностей. Сам он так свое решение не называл, однако рискнул его использовать, поскольку он любил обсуждать процессы накопления знаний и вообще возможностей человеческого общения. Более того, он прямо использовал слово *накопление* в предисловии к своей замечательной книге,

выделив три ее важнейшие идеи, которые считал «философскими константами языка»³.

Степанов выделил Язык-1 только с семантикой (словарем), Язык-2 с семантикой и синтактикой (словарем и синтаксисом как частью грамматики), а также Язык-3 с семантикой, синтактикой и прагматикой (словарем, синтаксисом и прочей грамматикой). Накопление же осуществляется за счет того, что каждое следующее изменение добавляет важные возможности к возможностям предыдущего.

Можно предложить превращение семиотического *накопления* в регулярно и ритмично самовоспроизводящийся процесс накопительного кругооборота. Так, можно выделить кругооборот исходной прагматики, семантики и синтактики с обобщающей и формирующей единичный коммуникативный акт накопительной прагматикой. Эта целостность, в свою очередь, становится исходной прагматикой для следующего акта коммуникации уже для партнеров-коммуникантов.

Субъекты общения и рекурсия с инверсивным переключением

Неязыковой пример невольно приглашает читателей расширить горизонты и выйти в более широкие просторы развития и самоосуществления человеческого рода и каждого из людей, биосферы Земли и даже Наблюдаемой Вселенной. В этом путешествии нам как субъектам общения будут сопутствовать конгениальные нам действующие силы или агентивность (agency) самоорганизации жизни и создания порядка из хаоса.

Предлагаемые далее методика и логика основаны на симплекс-комплекс преобразованиях, разрабатываемых в Центре перспективных методологий ИНИОН РАН последние лет десять. Такие преобразования позволяют реконструировать эволюционные проявления действующего и соответствующих способностей и возможностей (agency) вплоть до элементарных ухищрений, включая комплементарные дуальности (внутри – снаружи, вол-

³ «По мере *накопления* наблюдений все более стали проявляться идеи, которые, вероятно, теперь должны быть осознаны как “философские константы языка”, присутствующие всем парадигмам во все времена. <...> 1. Идея “двух языков”, на одном из которых люди говорят о явлениях, на другом – о сущностях... <...> 2. Идея “позициональных установок”... <...> 3. Идея “количества имен” в языке, в особенности количества имен, которые способны охватить одно предложение (она специально моделируется в гл. VII этой книги), и нек. др.» [Степанов, 1985, с. 7–8].

на – частица, энергия – информация, скручивание – раскручивание и др.), интерфейс (мембрана), самозамыкание, фолдинг и т. д.

Начальным моментом моделирования является широко гипостазируемое в современной науке взаимное исключение двух первичных состояний. Это хаос – следствие и проявление термодинамической энтропии. И это порядок – самоорганизующееся устремление негэнтропии. Действование (агентность) как феномен и действенность (агентивность) как способность возникают в ответ на необходимость отличать негэнтропичный порядок от энтропичного хаоса и отделять их друг от друга.

Инструментально и разделение внешнего и внутреннего и самозамыкание обеспечиваются границей между внешним и внутренним, или мембраной. Мембрана – это крайне простой инструмент, который сам себя использует. Это эволюционно исходный, предельный прототип субъекта.

Сначала роль разделителя порядка и хаоса принимает на себя зыбкий интерфейс между квантами и безбрежной вселенной вокруг, затем оболочки, регулирующие жизненные метаболизмы, наконец, социальные акторы разного рода, которые в череде усложнений становятся полноценными субъектами. На абиотический космогенез «наслаивается» биогенез, а на него – социо- и антропогенез.

С появлением людей и человеческих возможностей возникает два типа практик: телесно-вещные и ментально-духовные. Люди опосредуют взаимодействия между ними, создавая их копии – те самые два языка, о которых писал во введении к своей книге Ю. С. Степанов, – языки для работы с материально-вещными явлениями и с ментально-духовными сущностями. Разумеется, эти два условно-аналитических «языка» – лишь моменты действительных человеческих языков, становящихся своего рода мембраной между материально-вещными и ментально-духовными мирами людей. Уже на уровне куда более сложного накопления возможностей происходят все те же алгоритмы посредования и самотворения, которые в своей наглядной простоте проявлялись в квантово-волновых взаимодействиях между порядком и хаосом. Простейшие и сложнейшие способы самотворения соотносятся как подобные друг другу самоформы (eigenforms) в некоем фрактальном развертывании. Общей конфигурацией и для самоформ, и для их фрактального наращивания служит модель рекурсии с инверсивным переключением (recursion with inversive switch).

Образно говоря, такая рекурсия предстает как тройное «вальсирующее» движение. Оно включает начальное движение, затем рекурсивный разворот с замыканием и закреплением достигнутого минимума и, нако-

нец, трансфер – новое нетривиальное движение с превращением дифференциала между минимумом и максимумом возможностей в новую инструментальность. Движение продолжается, но не монотонно и предзаданно, а, возможно, даже в новом направлении и измерении. В результате усложнения модели возникают серии самоподобных действий и появляются комплексные сродства исходных трех ухищрений: репликация в виде серии возвратов, конвергенция за счет множественных усложняющих включений и аутопоэз – системный переход в новые чаемые состояния [Ильин, 2023в].

Воспроизводя свое собственное усилие в его же новой форме, мембрана, протоагент, агент и, наконец, полноценный социальный субъект воссоздают себя заново в форме самого себя. Это прекрасно схватывает математический аппарат собственных форм (eigenforms) и фракталов. Сплетающиеся и накапливающие циклы рекурсий с замыканием позволяют сначала осуществлять копирование, затем кодирование (= многократное перекопирование по копируемому алгоритму), а затем и интерпретацию (= выбор альтернатив кодирования или перекодирование по кодируемому образцу). Эффект интерпретации возникает за счет преобразования пресловутого герменевтического круга в динамически «фрактализованный» процесс соединения копирований, кодирований и перекодирований в насыщенное смыслами соединение-концентрацию социального опыта взаимодействующих агентов.

Эволюционно развитые социокультурные формы требуют уже полномасштабного использования семиотики, или, точнее, социальной семиотики с характерными для нее мультимодальностью, семиопоэзисом и логономической действенностью. На этом более высоком эволюционном уровне «вальсирующие» серии трехтактных действий превращаются в циклы семиозиса, который строится за счет семиотических рекурсий с участием многих перенимающих эстафету интерпретантов. Их цепочки можно сворачивать в рекурсивные последовательности, которые за счет своего нового воспроизводства сами рекурсивно сворачиваются в подобие «фрактализованного» свивания.

Прекрасный способ передачи подобного сливания нашел Флойд Меррелл в виде яркого образа химерического спрута (Chimerical Octopus), «чье тело является точкой, а щупальца – бесконечным числом линий, исходящих из этой точки и готовых быть втянутыми в один или несколько других знаков-точек, которые затем становятся его интерпретантой и поэтому иным знаком-точкой» [Mertell, 1988] (цит. по: [Дили, 2017, с. 175]). Мер-

релл придает данному образу наглядность, предлагая читателю вообразить, будто «каждое щупальце должно иметь глаз на своем конце, чтобы “видеть” все иные знаки-точки одновременно» [Дили, 2017, с. 176].

Образ химерического спрута создает семиотические, герменевтические и прочие возможности [Ильин, 2023б]. В частности, данная образность с ее фрактально множимыми рекурсивными извивами хорошо соответствует общим конфигурациям всеохватного семиозиса. Это позволяет вспомнить об идее Ежи Пельца о семиозике как альтернативе семиотике. Пельц модифицировал взгляды Пирса и Морриса и позаимствовал различие между деятельностью и ее продуктами у Казимежа Твардовского. Знаки-продукты или отдельные завершенные рекурсии с инверсивными переключениями объединяются вместе безостановочной деятельностью семиозиса. Подобная взаимосвязанность дает возможность «рассматривать семиозис как деятельность, которая в некоторых случаях производит знаки вместе с отдельными семиозисными свойствами или семиозисными отношениями, а иногда и семиозику, т. е. полноту (totality) семиозисных свойств знаков или всю полноту семиозисных отношений, включая и знаки как ее элементы» [Pelc, 2000, p. 428].

Ядро и оболочки мультимодального общения

Теперь после расширения горизонтов пристало вернуться в наш центральный мир языковой коммуникации. Традиционно его изучение было предельно конкретным, детализированным и исключительно «лингвистичным». Любые его проявления своеобразны. Это и звуки, и морфемы, и слова, и предложения, и тексты с их горизонтальными и вертикальными языковыми контекстами. Все эти и другие, не упомянутые, явления нельзя свести к какому-то общему понятию. Даже лингвистический знак для этого не годится – различительные признаки и структурные оппозиции, «черты и рези», аллофоны и даже фонемы, компоненты ельмслевских фигур и многое другое с трудом можно интерпретировать как знаки – разве что метафорически.

На противоположной предельно расширенной прагматической периферии также не меньше, если не больше, своеобразных и уникальных явлений. Однако сама принадлежность к «деловой» прагматике позволяет все их характеризовать как дела.

Таким образом, концепты лингвистических явлений легко детализируются за счет различий, но крайне проблематично объединяются в группы

и классы, к тому же до определенного предела. Таких мерономий остается множество. В мультимодальной прагматике подобное объединение осуществляется легко и эффективно. Через модальные и прочие границы все без исключения прагматические явления легко связываются с их общим холонимом. Это на русском языке *дело*, а на греческом *πρᾶγμα*. Да и современный научный термин *прагматика* – фактически транслитерация прилагательного женского рода *πραγματική*, т. е. «деловая» как типичное для греческого обозначения философско-логического обобщения. У нас философы и претендующие на глубокомыслие авторы склонны субстантивировать прилагательные среднего рода. Так что у нас вместо слова *прагматика* вполне могло бы появиться словечко *деловое*, но не появилось, а само слово *прагматика* вместо глубокомысленного обобщения приобрело широкий круг новых и часто вполне конкретных значений. Одно из них и, пожалуй, самое главное для данного текста – это сфера практического, действенного общения между людьми и средства обеспечения успешности коммуникации. С этими пояснениями вполне естественным и кристально ясным становится тезис Ю. С. Степанова, что прагматика – не что иное, как присвоение языка в момент – и на момент – речи, т. е. присвоение и тем самым использование творчески активными и заинтересованными участниками всех возможностей сделать их общение действительно действенным и дельным.

Подобного рода присвоение языка, или оязыковление, начинается с самых далеких периферий. Она начинается и идет поначалу исключительно энтенционально, в виде восполнения самых простейших нехваток (absence). Эти эволюционно ранние восполнения остаются во «внешних оболочках» того многообразия (manifold), о котором уже шла речь в данной статье. В его ядре возникают все новые возможности, и создаются одна за другой все новые «внутренние» оболочки. На данный момент ближайшей к порождающему ядру оболочкой является оболочка языка и мысли.

Это ярко и символически прозрачно показал Гёте, вложив в уста Фауста размышления о смысловых нюансах Логоса в версии Апостола Иоанна. Наиболее точный эквивалент Логоса – это слово (*das Wort*). Чуть дальше лежит слово смысл (*der Sinn*). Следом появляется многозначное слово *die Kraft* (сила, но также энергия, творческая сила и, шире, творческое начало, искусство). Наконец, завершает перечень слово *die Tat* (дело, свершение, т. е. фактически та же самая *πρᾶγμα*). Скупое, но предельно отчетливо намечена конфигурация обволакивающих порождающее ядро, язык

и мысль слоев культурного творчества, а затем и практических жизненных дел [В начале..., 2015].

Вселенское оязыковление и антропный принцип

Продолжим же эту логику. Попробуем найти нечто действительно элементарное, простейшее, исполненное диконовской неполноты, но уже содержащее нечто включаемое в гётевское наращивание сложности. Начать можно вполне серьезно и основательно с кванта, точнее с квантового автомата (Quantum-Mechanical Automation) Дэвида Альберта [Albert, 1983]. Этот американский физик и математик создал предельно упрощенную абстрактную модель возникновения воображаемого элементарного кванта. Математическая «Гёделлизация» (Gödelizing) такого воображаемого кванта, т. е. расхождение самоописаний внутри и извне [Yurov, 2003; Wolf, 2018], предполагала наделение возникающего квантового «агента» способностью к самоописанию. Подобная агентивная способность является вполне человеческой или во всяком случае антропоморфной [Puin, 2020].

Подобная нехватка позволяет наметить два предела: космологический, или квантовый, и антропологический, или семиотический. Эти пределы зеркально связаны взаимными энтенциональными и интенциональными устремлениями друг к другу. Возвращаясь к поэтическим образам Александра Блока о вселенских началах и концах, можно интерпретировать его поэтические прозрения как подсказку уже не в поэтическом, а вполне рациональном моделировании энтенционально-интенциональных переходов, порогов и интерфейсов как своего рода средств «стереть случайные черты» и тем самым выявить не просто регулярности развития, но также красоту и смысл развертывания вселенской эволюции. Иными словами, взаимные устремления друг к другу вселенской квантификации и оязыковляемого людьми осмысления всеобщего развития позволяют наметить пусть даже только в самых общих чертах размах расширенной экологически развитой эволюции (eco-evo-devo).

Такого рода задачи далеко выходят за пределы данной статьи. Однако они создают интеллектуальный фон для того, чтобы переосмыслить и расширить замечательный степановский тезис о присвоении языка в момент — и на момент речи. Он достоин того, чтобы зафиксированные и в нем моменты рассматривать как движущие силы не отдельного человеческого речения, но продолжения всеобщего момента развития.

В подобном расширительном толковании прагматического тезиса Ю. С. Степанова вполне органично и естественно сочетаются знаменитый антропный принцип с самоопределением личности, а установление контакта между общающимися – с поисками решений всеобщего развития и преодоления нынешнего глобального кризиса.

Для лингвистов заявленные здесь пафосные возможности и задачи вполне конкретизируются в профессиональные решения и исследовательские программы. С моей личной и, безусловно, предвзятой точки зрения, они связаны с дальнейшим развитием функциональных подходов к языку, речи и мышлению, с освоением возможностей лингвистической прагматики и мультимодального анализа коммуникативных процессов, а главное с включением в уже идущую в нашей науке революцию оязыковления и переязыковления.

Это, однако, тема для новой статьи и для большой дискуссии о перспективах развития языкознания.

Список литературы

В начале было слово? Или дело? // МЕТОД. М., 2015. Вып. 5. С. 165–173.

Дили Дж. Зоосемиотика и антропосемиотика // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 140–188.

Ильин М. В. Мысль изреченная. Оязыковление домысли (материала, mening, purport) Луи Ельмслева // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: вариативность, креативность, креативность, эксперимент. М., 2023а. С. 51–64.

Ильин М. В. Семиозис как генезис химерического спрута // МЕТОД. 2023б. Т. 3, № 2. С. 14–21.

Ильин М. В. Модели свертывания и развертывания во всеобщей эволюции мироздания // МЕТОД, 2023в. Т. 3, № 4. С. 174–209.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 331 с.

Albert D. Z. On quantum-mechanical automata // Physics Letters A. 1983. Vol. 98, no. 5–6. P. 249–252.

Hjelmslev L. Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse // Travaux du Cercle linguistique de Copenhagen. Copenhagen: The Linguistic circle of Copenhagen, 1993. Vol. 25.

Ilyin M. Emergence and advancement of basic human capacities // *Linguistic frontiers*. 2020. No. 3 (2). P. 3–20.

Merrell F. An Uncertain Semiotic // *The Current in Criticism. Essays on the Present and Future of Literary Theory*. 1988. C. 243–264.

Pelc J. Semiosis and semiosics vs semiotics // *Semiotica*. 2000. No. 128. P. 425–434.

Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot, 1971. 1031 p.

Wolf F. A. On Quantum Mechanical Automata, Gödel Numbers, and Self-Referring Consciousness // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. 2018. Vol. 14, no. 1. P. 217–246.

Yurov A. V. The Gödelizing Quantum-Mechanical Automata // arXiv. 003. Preprint quantph/0301004.

References

Albert D. Z. Onquantum-mechanical automata. *Physics Letters A*, 1983, vol. 98, no. 5–6, pp. 249–252.

Deely J. Zoösemiotics and Anthropesemiotics. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2017, no. 1, pp. 2017. № 1. C. 140–188. (in Russ.)

Hjelmslev L. Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse. In: *Travaux du Cercle linguistique de Copenhague. Copenhagen, The Linguistic circle of Copenhagen*, 1993, vol. 25.

Ilyin M. Emergence and advancement of basic human capacities. *Linguistic frontiers*, 2020, no. 3 (2), pp. 3–20.

Ilyin M. V. The spoken thought. The language of speculation (material, mening, purport) Louis Elmslev. In: *Discourse and language in the era of “big data”: variability, creativity, creativity, experiment*. Moscow, 2023, pp. 51–64. (in Russ.)

Ilyin M. V. Semiosis as the genesis of the chimeric octopus. *METHOD*, 2023, vol. 3, no. 2, pp. 14–21. (in Russ.)

Ilyin M. V. Models of folding and unfolding in the universal evolution of the universe. *METHOD*, 2023, vol. 3, no. 4, pp. 174–209. (in Russ.)

In the beginning was the word? Or the Deed? *METHOD*, 2015, vol. 5, pp. 165–173. (in Russ.)

Merrell F. An Uncertain Semiotic. In: *The Current in Criticism. Essays on the Present and Future of Literary Theory*, 1988, pp. 243–264.

Pelc J. Semiosis and semiosics vs semiotics. *Semiotica*, 2000, no. 128, pp. 425–434.

- Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Paris, Payot, 1971, 1031 p.
- Stepanov Yu. S. In the three-dimensional space of language: semiotic problems of linguistics, philosophy and art. Moscow, Nauka, 1985, 331 p. (in Russ.)
- Wolf F. A. On Quantum Mechanical Automata, Gödel Numbers, and Self-Referring Consciousness. *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 217–246.
- Yurov A. V. The Gödelizing Quantum-Mechanical Automata. In: arXiv. 2003. Preprint quantph/0301004.

Информация об авторе

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор
Scopus Author ID 57191089482
WoS Researcher ID K-1361-2015
SPIN 8727-8498

Information about the Author

Mikhail V. Ilyin, Doctor of Political Sciences, Professor
Scopus Author ID 57191089482
WoS Researcher ID K-1361-2015
SPIN 8727-8498

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 15.10.2024
The article was submitted on 09.09.2024;
approved after reviewing on 15.10.2024; accepted for publication on 15.10.2024*